

Владимир Орлов

ЖЕНЕВСКАЯ РАЗМИНКА

В зале заседаний женеvского Дворца наций ряды театрально набирают крутизну. Наблюдать за разворачивающимся действием удобнее всего со стратегических высот. Поэтому на время сессии Подготовительного комитета по проведению Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)¹ – известного на дипломатическом жаргоне просто как Препком (PrepCom) – делегация ПИР-Центра позволила себе протокольную вольность и оккупировала одну из таких высот, вообще-то предназначенную для делегации Королевства Тонга.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ: НА СЦЕНЕ И (ЧУТЬ-ЧУТЬ) ЗА КУЛИСАМИ

Бесспорно, мы отдавали себе отчет в том, что эту южно-тихоокеанскую монархию связывают с Россией и россиянами не столь уж тесные узы, ограничивающиеся, пожалуй, лишь тем, что покойный король коллекционировал балалайки... Однако же Тонга – этот достойный и полноправный участник ДНЯО аж с 1971 г. – факт проведения женеvского Препкома проигнорировало. В отличие от 106 других государств-участников. И в отличие от ПИР-Центра. Сочтя это основание достаточным, мы на девять весенних дней оккупировали-таки вакантную позицию, успокоив себя мыслью о том, что перед дилеммами голосования эта сессия нас не поставит.

С *тонганских* высот зал заседаний просматривался как на ладони. Не составляло труда оценить, какая делегация на Препкоме наиболее многочисленна. Как уже наверняка догадался наш информированный читатель, в эпоху российского внешнеполитического наступления по всем фронтам, не исключая и нераспространенческий, наши соотечественники взяли числом: представительство из Москвы было беспрецедентным. Это было видно, что называется, невооруженным глазом. Бросалась в глаза и высокая дисциплина столь обширной делегации: несмотря на изрядные швейцарские соблазны, открывавшиеся прямо за воротами Дворца наций, на протяжении большей части Препкома ее численность в зале не слишком разительно отличалась от задекларированной в *программке* – то есть в официальном списке.

Наиболее заметное бурление по ходу Препкома происходит в нескольких точках. Вот Европейский Союз, действующий в этот раз через Словению: все-таки нелегко 27 странам согласовать единые позиции (и, в конце концов, часто это у них не получается). Вот иранские послы – немногословный глава делегации Алиреза Муайери из Женевы и его зам – гиперактивный Али Асгяр Солтание из Вены, к которым то и дело подбегают из других делегаций. Вот доктор Кристофер Форд, глава делегации США, спешащий посоревноваться в вершинах ораторского искусства с Солтание; впрочем, к нему особенно никто не подбегает, кроме членов его собственной делегации. Вот посол А.И. Антонов, один из немногих глав делегаций в этом зале с превосходной *institutional*

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О
К

тетю – своими знаниями о ДНЯО дает фору большинству, а своим равнодушием к его судьбе – многих даже и удивляет; поэтому он без видимых усилий становится одним из центров пререконной гравитации.

Но почему это одним из самых людных становится в зале киргизский ряд? За табличкой «Кыргызстан» обращает на себя внимание не вполне киргизское лицо. Скажем уж без всякой дипломатии: лицо совсем не киргизской национальности. То, что насторожит новичка, для старожилов *днявских посиделок* (да и для многих читателей нашего журнала) не откровение, а очевидность. Это броуновское движение порождает профессор Уильям Поттер из Монтерея, формально – советник киргизской делегации на ДНЯО уже на протяжении последних 15 лет, один из инициаторов создания зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, материализовавшейся в 2006 г. как Семипалатинский договор; а неформально – дуайен ядерно-нераспространенческого корпуса. Сколько его бывших сотрудников и его бывших студентов в зале? В скольких делегациях? От помощницы председательствующего до вероятного сменщика Мохаммеда Эльбаррадея... Я быстро сбиваюсь со счета. Билл Поттер все время в зале, и к нему не нарастает тропа бесшумных визитеров. Сколько строк в официальных документах как минимум дюжины государств – участников ДНЯО (причем не тонганских по масштабу) написано под его диктовку? А сколько – прошло его редактуру? А сколько идей, которые сегодня здесь как бы самопроизвольно озвучиваются, явилось результатом скрупулезного моделирования в его монтерейском классе?

А вот и еще один центр гравитации: доктор Ребекка Джонсон. В отличие от Билла Поттера, никак официально не связанная с делегациями, то есть – вполне свободный радикал ДНЯО; и сидит тоже где-то с краешку, едва не на галерке. Но при этом многие делегации на нее просто молятся. А особенно – делегации не столь громоздкие, как российская или французская. Потому что ведь кто еще, кроме Ребекки Джонсон, способен высидеть все эти девять дней в заточении зала заседаний? Да не просто высидеть – а еще и ухватить суть каждого выступления; а, ухватив, записать, а потом эту неформальную запись разослать по электронной почте. Если у вас в делегации один или два человека, то дневники ДНЯО, которые д-р Джонсон исправно ведет и публикует с 1995 г. (когда она еще не была доктором, а была куда ближе к активистам-разоруженцам – ведь вышла она из палаток *Женщин Гринэм-Коммон*, – кто помнит, когда-то, уже в другую историческую эпоху, они не пускали американские крылатые ракеты на британскую землю), – это настоящая находка. В отличие от Ребекки Джонсон, вы можете себе позволить еще одну чашечку кофе; и так постепенно подсаживаетесь на ее *иглу*. Сосчитать количество дипломатических телеграмм из Нью-Йорка, Вены или Женевы, подготовленных по принципу *copy-paste* дневников Ребекки Джонсон, будет еще затруднительнее, чем число влиятельных контактов Билла Поттера. Но что можно сказать совершенно точно – Ребекка Джонсон образцовая аккуратистка во всем, что касается изложения *днявской* жизни; это тот случай, где, делая *copy-paste*, вы как минимум не подставитесь по части точности информации и цитат. И поэтому, как когда-то поколения советских телезрителей видели мир глазами Юрия Сенкевича, так уже сформировалось поколение дипломатов во многих столицах, которые, может быть, даже сами того не подозревая, видят проблемы ядерного нераспространения глазами Ребекки Джонсон.

Ну что ж, теперь, говоря словами поэта, *мы заполнили всю сцену*. Остается... остается заглянуть в президиум.

ВЕЧНО ЖИВОЙ ПАЦИЕНТ

Арифметика – не самый сильный мой козырь, да к тому же не все делегации были столь стойки к швейцарским соблазнам, как россияне. Поэтому, рискуя кого-то не сосчитать, я бы все-таки, следом за Россией обратил внимание на весомое представительство на этом Препкоме Японии, Франции и Украины.

Последняя была столь разнообразно представлена, вероятно, в силу того, что председательствовал на Препкоме украинский посол при международных организациях в Вене В.Ю. Ельченко: сноровистый, энергичный и при этом взвешенный, чем по ходу сес-

сии расположил к себе большинство делегатов. («Кое-кто из вас пытался разозлить меня в эти дни, но вы, конечно, поняли, что это занятие бесперспективное», – скажет он, закрывая сессию.)

Посол Ельченко комфортно разместился в центре президиума, рядом с двумя давними друзьями ПИР-Центра и авторами нашего журнала. Слева – высокий представитель генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Сержио Дуарте – бразильский посол, который председательствовал на бесславной Конференции ДНЯО 2005 г. и которому после ее провала многие пророчили политическое небытие, а вышло с точностью до наоборот. Справа – представитель МАГАТЭ Тарик Рауф – особа, приближенная к гендиректору Агентства Мохаммеду Эльбаррадею.

Массивное сооружение препкомовского президиума напомнило одному из его временных обитателей политбюро на Мавзолее, чем он не преминул поделиться со мной. Это спровоцировало мой ответный вопрос: а что, он заметил тут нечто трупное? (Этот плодовитый на образы собеседник подарил мне по окончании победной конференции ДНЯО 1995 г. образ *пациента в реанимации*, в то время как все только и говорили тогда о *вечно живом ДНЯО*. Вот я теперь и поинтересовался, как там наш *вечно живой пациент*.)

ДНЯО – хотя, конечно, изрядно *набальзамирован*, да и, если прибегнуть все к тому же поэту, изрядно *нафарширован* – скорее жив, чем мертв, дипломатично решили мы оба. И ход Препкома показал, что мы с моим собеседником оказались скорее правы, чем нет.

Во всяком случае, на нем присутствовали и драматургия, и динамика, и яркие реплики, и довольно много *мяса*: то есть конкретики. И это стало разительным контрастом с венской увертюрой годичной давности: тогда Препком неделю барахтался в заложниках у иранской делегации, которая, под предлогом процедурных вопросов, отыгрывалась на остальных делегациях за неминуемо надвигавшиеся санкции Совета Безопасности ООН. Правда, год назад в Вене авторитетный председатель – японский посол Юкия Аmano умудрился-таки почти под занавес дать старт дискуссии по существу и породить рабочий документ председательствующего, где он довольно удачно суммировал ход этой дискуссии.

В Женеве процедурные вопросы были, ненавязчиво и незаметно для иранцев, выделены в самостоятельный блок, и его, благодаря грамотно отрететированным действиям В.Ю. Ельченко, удалось утвердить как по маслу. Так, было решено, что следующая сессия Препкома состоится с 4 по 15 мая 2009 г. в Нью-Йорке, а конференция по рассмотрению действия ДНЯО соберется в Нью-Йорке с 26 апреля по 21 мая 2010 г. Председательствовать на следующем Препкоме будет зимбабвийский дипломат (в этот момент американские и британские делегаты, не сомневаюсь, смогли особо высоко оценить ооновские принципы ротации). А вот предложить кандидатуру на стратегически важный пост председателя Восьмой Конференции должен будет генеральный секретарь ООН. Полагают, что это будет кандидатура представителя Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Поговаривают, что на сегодняшний день ярких и явных кандидатур пока не предложено. Есть выдвиженец от Филиппин, но у этой страны нет значимого послужного списка в сфере ДНЯО. Посматривают, в частности, в сторону Казахстана.

Нет спора, что председатель конференции ДНЯО – фигура совершенно не техническая, а вполне политическая. Лучше всего это доказал ланкийский дипломат Джаянта Данапала, во многом благодаря дипломатическому искусству которого мы получили в 1995 г. и бессрочное продление ДНЯО, и продление без голосования – а значит, и без *расплевывания*, и, что не менее значимо, пакетное решение о принципах и целях ядерного разоружения и нераспространения – документ, не потерявший актуальности и сегодня.

Итак, когда дело дошло до *мяса*, стало заметно, как основные дебаты вращаются вокруг трех *общих столпов* и четырех *конкретных вопросов*.

Три столпа – это, собственно, те самые столпы, на которых держится вся архитектура международного режима ядерного нераспространения: разоружение, нераспространение и использование атомной энергии в мирных целях.

Четыре конкретных вопроса, являющиеся производными от обсуждения общих столпов, это:

Во-первых: каковы реальные темпы ядерного разоружения и как на практике реализуется *недвусмысленное* (как это записано в документе конференции 2000 г.) обязательство ядерных держав по уничтожению своих ядерных арсеналов? (Статья VI ДНЯО);

Во-вторых: как оценить ситуации с несоблюдением положений Договора (non-compliance) – прежде всего иранскую, но также и добавившуюся к ней сирийскую? (Статьи II и III ДНЯО);

В-третьих: где проходит граница суверенного права государств на использование ими атомной энергии в мирных целях – особенно с учетом становящегося все более очевидным *атомного ренессанса*, когда все большее число *новичков* обращает свои взгляды в сторону атомной энергетики? (Статья IV ДНЯО);

И, наконец, *в-четвертых:* как поступать с государствами, которые могут захотеть воспользоваться своим правом на выход из Договора? (Статья X.1 ДНЯО).

ПЯТЕРКА ПРОТИВ ВСЕХ

Как всегда на таких мероприятиях, делегации государств ядерной пятерки должны были держать ответ о шагах, которые они предпринимают в рамках своих обязательств по статье VI Договора.

Одним из первых слово взял А.И. Антонов. Он напомнил, что по состоянию на 1 января 2008 г. Российская Федерация располагала не более 900 единицами развернутых носителей стратегических наступательных вооружений и 4200 боезарядами, числящимися за ними по Договору о СНВ. «Продолжаем выполнять обязательства по российско-американскому Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов, в соответствии с которым количество стратегических ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 г. будет сокращено до 1700–2200 единиц у каждой из сторон», – сказал он².

Глава российской делегации считает, что необходимо:

«Обеспечить предсказуемость, транспарентность, необратимость и контролируемость процесса сокращения и ограничения СНВ. В связи с этим принципиально важно, что в принятой 6 апреля с.г. в Сочи президентами В.В. Путиным и Джорджем Бушем Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений зафиксировано намерение продолжить выработку юридически обязывающей договоренности на замену Договора о СНВ как дальнейшего шага в выполнении обязательств двух стран в соответствии со статьей VI ДНЯО»³.

Любопытно, что А.И. Антонов обратил внимание на сохранение актуальности инициативы России о сосредоточении ядерного оружия в пределах национальных территорий ядерных государств. «Ее реализация привела бы к максимальному расширению территории районов, где полностью отсутствует ядерное оружие»⁴, – подчеркнул он.

Мои беседы с европейскими дипломатами показали, однако, что эта инициатива уже изрядно подзабыта и, к сожалению, Москва не предпринимает должных усилий по какому бы то ни было ее продвижению и разъяснению. Так, немецкий дипломат на мой вопрос о его отношении к данной инициативе ответил, что рад, раз Москва взяла на себя такое добровольное обязательство; он не понял – или сделал вид, что не понял, – что речь идет прежде всего об американских субстратегических ядерных вооружениях, размещенных в настоящее время в том числе и на немецкой земле.

В то же время в рабочем документе (working paper) председателя⁵ были зафиксированы призывы к переосмыслению роли ядерного оружия в стратегическом планировании в эпоху после окончания холодной войны и был прямо упомянут саммит НАТО 2009 г., который мог бы предоставить хорошую платформу для такого переосмысления⁶. Более того, в этом документе зафиксированы призывы к неядерным странам (НЯОГ), находящимся в региональных союзах с государствами – обладателями ядерного оружия (ЯОГ), отчитываться об их усилиях снижать зависимость от ядерного оружия в догово-

ренностях о коллективной безопасности⁷. Наконец, российская инициатива прямо упомянута в параграфе 24⁸. В то же время, в этом же параграфе содержится и далекая от видения российской стороны рекомендация придания юридически обязательного характера односторонним заявлениям России и США 1991 и 1992 гг. по тактическому ядерному оружию (ТЯО)⁹ – идея, давно продвигаемая такими экспертами, как Билл Поттер, и получившая за последние годы определенную поддержку у НЯОГ.

Вообще, в рабочем документе председателя 22 параграфа из 63, то есть свыше трети, посвящены вопросам ядерного разоружения, что точно отражает пропорцию, которую эти вопросы заняли в прениях.

Не ставя перед собой задачу в этом небольшом комментарии системно охватить все поднимавшиеся вопросы, остановимся лишь на отдельных моментах, которые могут получить развитие в ходе Препкома-2009.

Прежде всего, в препкомовском закулисье (и в гораздо меньшей степени – с препкомовской сцены) бурно озвучивались и дискутировались предложения *гуверовской четверки* – Сэма Нанна, Генри Киссинджера, Джорджа Шульца и Уильяма Перри, выдвинутые ими в двух программных статьях в январских номерах *Wall Street Journal* прошлого и этого годов¹⁰. Эти предложения направлены на движение к миру без ядерного оружия, где ведущую скрипку должны и могут сыграть Соединенные Штаты. Рабочий документ председателя ссылается на эту инициативу, пусть и косвенно, уже во втором параграфе и уже прямо ссылается на нее в параграфе 28, добавляя здесь связку с десятью рекомендациями по разоружению, выработанными на международной конференции в Осло в феврале 2008 г.¹¹.

Напомним, что двумя месяцами ранее министр иностранных дел России С.В. Лавров, выступая в той же Женеве на Конференции по разоружению, в целом позитивно отозвался об этой инициативе. В то же время среди российских ведомств разгорелись жаркие дискуссии о том, что же стоит за инициативой *гуверовской четверки*. Не предвосхищая результатов этих внутрироссийских дискуссий, хотел бы высказать пожелание, чтобы они все более активно перемещались в тот формат, который позволил бы и обществу участвовать в них. Роль и место ядерного оружия в России в XXI в. – серьезнейший вопрос, и вопрос общественно настолько значимый, что достоин занять ключевое место среди нынешнего спектра дискуссий о будущем России: как России-2020, так и России-2050.

Далее, вопрос о вступлении в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не теряет своей приоритетности. Приветствуя присоединение к ДВЗЯИ таких стран, как Колумбия, Багамы, Малайзия и Палау, ряд участников Препкома напомнили, что все-таки главным шагом вперед должны стать «незамедлительные ратификации» ДВЗЯИ со стороны тех девяти государств, без которых договор не вступит в силу и которые все еще тормозят свое полное присоединение к договору.

Вопросы развертывания противоракетной обороны (ПРО) были скорее на периферии дискуссий. Прежде всего, их затронула, как и следовало ожидать, Россия: «Поспешное развертывание глобальной противоракетной обороны без учета интересов безопасности других государств может спровоцировать наращивание ракетных вооружений, стимулировать их дальнейшее распространение в мире и в целом негативно повлиять на разоруженческий процесс»¹².

Примечательно, что в рабочем документе председатель Препкома пошел дальше, добавив к этому тезису российской стороны и «подрыв Договора по ПРО»¹³. Язык, использовавшийся на Конференции ДНЯО 2000 г., но с тех пор уже подзабытый, взбудоражил главу американской делегации, который разразился в адрес В.Ю. Ельченко тирадой о том, что США на законных основаниях *вышли* из Договора по ПРО, а совсем его не *подрывали*. Впрочем, казалось, что эти словесные баталии были далеки от большинства делегатов, да и российская делегация, похоже, не была нацелена на реанимацию дискуссий по Договору по ПРО, уже давно похороненному.

Повышенное внимание участники Препкома уделили вопросу о негативных гарантиях безопасности неядерным государствам¹⁴. Я обратил внимание на то, что этому немало способствовало украинское председательство. По инициативе Украины появилось и предложение о том, что Конференция ДНЯО 2010 г. должна инициировать проведение под эгидой ООН международной конференции по вопросу о гарантиях безопасности¹⁵.

В то время как многие уже подзабыли положения Трехстороннего заявления президентов России, Украины и США от 14 января 1994 г., положившего основу нынешнему неядерному статусу Украины, в сегодняшнем Киеве его отнюдь не считают *преданьем старины глубокой*. В этом коротеньком – всего-то две страницы основного текста плюс приложение еще на одной странице – документе в обмен на отказ Украины от права обладания и контроля над ядерным оружием Россия предоставляет Украине масштабные гарантии безопасности. В частности, Россия признает, что «изменения границ могут осуществляться только мирным путем и по договоренности»; обязуется «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости» Украины; наконец, Россия обязуется «воздерживаться от экономического принуждения»¹⁶. Перечитывая сегодня Трехстороннее заявление, не перестаешь удивляться, на каком хрупком фундаменте держится, оказывается, неядерный статус Украины. Напомню, что гарантами Трехстороннего заявления выступили два других, помимо России, депозитария ДНЯО: США и Великобритания.

Заметным успехом стало принятие под занавес Препкома совместного заявления *ядерной пятерки* – первого за последние восемь лет.

Подготовка документа шла трудно. Начатая по инициативе российской стороны, она то и дело натывалась на отторжение отдельных пунктов со стороны других партнеров России по официальному *ядерному клубу*, прежде всего со стороны США. Так, из-за американских возражений первоначальные формулировки по ДВЗЯИ пришлось попросту отбросить, ограничившись обещанием и дальше сохранять мораторий на ядерные испытания. И все же этот сдержанный двухстраничный документ дорогого стоит, и его текст не остался незамеченным среди опытных дипломатов различных государств – от Новой Зеландии до Египта, которые в той или иной форме приветствовали многие его формулировки. А некоторые, уже в кулуарах, выражали недоумение, как это американцы согласились поставить свою подпись, например, под такой фразой: «Мы хотим обратиться к вызовам распространения через многосторонние подходы, на которых зиждется Договор»¹⁷. Или, что более актуально для государств Ближнего Востока, под фразой, подтверждающей поддержку резолюции Конференции 1995 г. по Ближнему Востоку¹⁸.

При этом не обошлось и без микроскандала. В заявлении *пятерки* подчеркивается, что «риски распространения, исходящие от иранской ядерной программы, продолжают быть предметом серьезной озабоченности для нас»¹⁹. В то же время, за несколько дней до этого, в Лондоне в очередной раз собрались высокопоставленные дипломаты США, Великобритании, Франции, России, КНР и Германии, чтобы обсудить, что делать с Ираном. По итогам этой встречи английский министр иностранных дел использовал фразу «иранская угроза». Мы не уполномочивали его делать такое политическое заявление от имени *шестерки*, возмутился в ходе Препкома А.И. Антонов, английский министр был уполномочен лишь на технические комментарии. И затем в кулуарах шли продолжительные баталии о словах *угроза*, *риск* и *вызов* – лингвистические, и не только.

АХ, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ...

И тут мы подходим к одной из главных драматургических завязок женевского Препкома – впрочем, уже неплохо знакомой нам по предыдущим *дняовским* мероприятиям.

«Все законы писати, когда их не исполняти», – заметил как-то незадолго до смерти Петр I. Как быть с нарушениями государствами-участниками их обязательств по Договору? Как зафиксировать, что такие нарушения имели место?

Иранская проблематика, будучи умышленно заретушированной на Конференции 1995 г. (когда клинтоновские американцы тихо выкручивали руки россиянам, а россия-

не – иранцам, думая больше о бессрочном продлении договора, чем о реальном наполнении иранской ядерной программы), с тех пор и на обзорных конференциях, и на препкомах всплывает постоянно. Именно Иран и США были двумя из трех государств (наряду с Египтом), *торпедировавших* обзорную Конференцию 2005 г. С тех пор Совет Безопасности ООН печет антииранские резолюции, как блины. К радости США, под ними ставят подписи и Россия, и Китай. Только вот ничего не меняется: Иран остается и при своих убеждениях, и при своих центрифугах; да, к слову, центрифуг становится все больше, а их качество – все лучше.

К американо-иранскому *боданию* делегаты *дняовских* мероприятий привыкли, как к некоему ритуалу. Словесные стычки американских и иранских делегатов – чуть ли уже не требуемый элемент *оживляжа*; он взбадривает не хуже эспрессо в кафетерии Дворца наций, когда есть определенный риск задремать под третью дюжину официальных заявлений, зачитываемых делегациями, так сказать, не самых ключевых в деле нераспространения стран.

И в этот раз иранцы не дали делегатам вздремнуть. Их наступательная тактика, отточенная в ходе Конференции 2005 г., проявилась в первый же день Препкома, когда они накинулись на, в общем-то, мало примечательное официальное заявление Евросоюза. Но иранцы нашли в нем вопиющую диспропорцию: об Иране говорится много, об Израиле – ничего. Далее, иранская делегация развернула наступление по всем фронтам, включая обвинение Австралии в пособничестве государству – неучастнику ДНЯО (то есть тому же Израилю) в поставках урана, а затем и обвинение Соединенным Штатам и государствам НАТО в доступе к ядерному оружию (проблема nuclear sharing, ранее неоднократно поднимавшаяся представителями европейских НПО).

Иранский посол Али Асгяр Солтание в своей гневной и длинной речи подвел участников Препкома к следующей мысли: режимы нераспространения следует упрочать, а не расшатывать, как это делают США. И если ситуация не улучшится, то для членов таких договоров, как ДНЯО и Конвенция о запрещении химического оружия (КЗХО), встанет вопрос о том, стоит ли вообще оставаться их участниками.

Украинский председатель в своем итоговом рабочем документе обошелся с Ираном неожиданно деликатно, периодически делая отсылки к готовности Ирана сотрудничать с МАГАТЭ и напоирая на необходимость «максимальных усилий по нахождению дипломатических решений» в целях «укрепления доверия» между всеми государствами – членами ДНЯО²⁰. За что и поплатился: д-р Кристофер Форд готов был буквально растерзать и председателя, и его текст, поскольку, по мнению США, в этом году ситуация с ядерной программой Ирана оценена куда более мягко, чем год назад, в то время как «ситуация за последние 12 месяцев ухудшилась».

Тут-то на сцене появляется Сирия. Вообще, точнее будет сказать, что на протяжении всего Препкома она была где-то на авансцене, да и то как-то пунктиром: я все разглядывал, да так и не разглядел.

В итоговом председательском документе о Сирии говорится мельком, через запятую, что как раз точно отражает место этого вопроса в общих прениях. Д-р Кристофер Форд же посчитал, что сирийский посол просто теперь задолжал своему украинскому коллеге, поскольку Сирия оказалась в тени. По мнению д-ра Форда, документ должен был осудить Сирию за ее нарушения своих обязательств в рамках ДНЯО: США не сомневаются, что осенью прошлого года Израиль разбомбил именно атомный реактор, строившийся при содействии КНДР. Между тем, рабочий документ председателя упоминает, в частности, о том, что было необходимо передать этот случай в МАГАТЭ, а не наносить удары.

В отличие от иранцев, сирийцы на Препкоме выглядели бледно. Они и не наступали, и не оборонялись, а вели себя как-то невнятно, даже и откровенно выставляя себя на посмешище бессистемными и непродуманными наскоками. У меня по ходу Препкома стало складываться впечатление, что в Дамаске в общем-то опасаются передачи досье в МАГАТЭ и огласки имевшихся со стороны Сирии нарушений, пусть и задним числом. Поэтому призывы третьих стран (например, Южной Кореи) осудить Израиль и дать

возможность инспекторам МАГАТЭ во всем беспристрастно разобраться – в том числе и в возможном сотрудничестве между Сирией и КНДР – со стороны Сирии слишком уж большого энтузиазма не встретили. Может быть, они даже рады, что объект стерт с лица земли, да, может быть, и сами еще потом что-то подтерли за израильянами, почему-то подумалось мне.

Ну что ж, об Иране – сполна; о Сирии – кое-что; о Ливии – ни слова.

Дискуссии вокруг соблюдения обязательств в рамках ДНЯО вообще все больше стали наводить меня на мысль о том, что существуют будто два параллельных мира.

Один – мир жарких споров на трибуне, где роли отрепетированы, где одни заученно клеймят Иран, другие заученно клеймят Израиль, третьи заученно клеймят КНДР... Но этой какой-то виртуальный мир.

Другой – мир реальный. В этом мире нет необходимости до хрипоты вести споры о том, являются ли новые данные об иранской ядерной программе, изъятые из какого-то там очередного ноутбука, серьезной информацией или мастерски исполненной дезой. В этом реальном мире государство, не являющееся даже членом ДНЯО, преспокойно вершит суд над своим соседом, стирая с лица земли его – скорее всего, действительно подпольный – ядерный объект. Даже несмотря на то, что официально декларировать этот объект вплоть до его достройки Сирия была и не обязана. То есть и МАГАТЭ, и всякие там препкомы оказываются совершенно в стороне от реальной *разборки* вокруг реального (не) распространенческого сюжета.

Также совершенно в стороне от препкомовских дискуссий оказываются сюжеты, когда официальное ядерное государство (США) оказывает содействие в укреплении безопасности ядерного арсенала государству – неучастнику ДНЯО (Пакистан). И понятно почему. Для мусульманского мира, обильно представленного на *днязовских* мероприятиях, вопрос Пакистана – это где лучше промолчать; для США и Китая – понятно, то же; а Индия... ну нет Индии на ДНЯО, и не предвидится.

Впрочем, с Индией – сюжет еще круче: многие уже закрыли глаза на то, что некоторые ядерные поставщики (и не только США) находятся на пороге масштабного атомного сотрудничества с Индией. Это, может быть, отражается в дискуссиях в препкомовских кулуарах, где хватает как лоббистов ядерного сотрудничества с Индией, так и лоббистов моратория на такое сотрудничество; но препкомовские документы в этой части совершенно округлы, используя стандартную формулировку о важности «всеобъемлющего присоединения» к ДНЯО. Жизнь идет своим чередом, а *днязовские* дебаты – своим. Тут удобнее разрабатывать уже давно обкатанные темы, когда из одного угла заученно кричат «Израиль!», из другого откликаются «Иран!».

ЖИТЬ В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА

Украинское председательство – и, соответственно, неизбежные ассоциации с Чернобылем – не помешали участникам Препкома констатировать, что статья IV Договора об использовании атомной энергии в мирных целях сейчас живее всех живых. Потому что на пороге – *атомный ренессанс*.

В предыдущем номере *Индекса Безопасности* мы имели возможность подробно разобраться с вопросом, есть этот *ренессанс*, или нет его, или же есть не более чем его предчувствие... Но в ходе прений было заметно, что многие делегации для себя этот вопрос уже решили – и в пользу *ренессанса*. Поэтому могу уверенно утверждать, что в ходе женевского Препкома вопросы недискриминационного доступа к развитию атомной энергетики и вопросы недопущения переключения *мирного атома* на *военные рельсы* заняли особое место. По наблюдению председателя женевской сессии, «в контексте ситуации с изменением климата и возрастающими потребностями в атомной энергии и в устойчивом развитии раздавались призывы к полному обеспечению свободного, беспрепятственного и недискриминационного доступа к ядерным технологиям в мир-

ных целях. Но в связи с возросшим глобальным спросом на атомную энергию также было обращено внимание и на риски распространения»²¹.

Нашим читателям может быть небезынтесным познакомиться с заявленным на Препкоме взглядом России на данный актуальный вопрос более детально, тем более что российское выступление открылось именно вопросом мирного развития атомной энергии, оставив два других традиционных столпа ДНЯО как-то позади, – инверсия, но инверсия, говорящая сама за себя.

Итак,

«сегодня мы являемся свидетелями возрастающего интереса к развитию мирной ядерной энергетики в качестве надежного ресурса обеспечения собственной энергобезопасности. Это естественный процесс. Здесь открываются большие возможности для международного сотрудничества. В первую очередь, их надо использовать для надежного и гарантированного обеспечения ядерным топливом стран, развивающих атомную энергетику. Можно пойти по пути создания в каждой такой стране мощностей по обогащению урана, по производству топлива, последующей его переработке. Однако это весьма затратный процесс не только с точки зрения финансов, но и в плане интеллектуальных научных и материально-технических ресурсов. Оправдан ли такой путь в условиях, когда мировой рынок способен обеспечить не только сегодняшние, но и будущие потребности в этой области? Вряд ли. Тем более, что такой выбор на долгие годы отодвигает реализацию национальных планов по развитию атомной энергетики, учитывая время, необходимое для создания упомянутых мощностей. Здесь уместно напомнить мнение Гендиректора МАГАТЭ Мохаммеда Эльбарая, отмечавшего, что сегодня причин создавать новые установки по обогащению урана или переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) не существует»²².

Здесь придется уточнить, что Россия выступает против создания установок по обогащению урана или по переработке ОЯТ в тех странах, которые еще только вступают на путь атомного развития и таких мощностей не имеют. То есть, например, российский же проект по созданию предприятия по урановому обогащению в КНР, с этой точки зрения, проблемой не является.

Российская сторона хорошо знает, что в ответ на такие инициативы нередко высказывается аргумент, что та или иная страна не может ставить себя полностью в зависимость от ситуации на рынке или политической воли отдельных государств. «Законные опасения, – говорит А.И. Антонов. – Их можно устранить на основе многосторонних подходов к ядерному топливному циклу, призванных предложить экономически обоснованную, практическую осуществимую альтернативу созданию на национальном уровне всех его элементов»²³.

При этом Россия особо подчеркивает:

«Мы не ставим под вопрос неотъемлемое право государств – участников ДНЯО развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях. Как реализовать это право – суверенный выбор каждой страны»²⁴.

Выступая на Препкоме, А.И. Антонов напомнил о российской инициативе по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по оказанию услуг ядерного топливного цикла. В качестве первого шага на базе обогатительного предприятия в Ангарске создан Международный центр по обогащению урана (МЦОУ). Его участником стал Казахстан, завершается оформление присоединения Армении. Участники Центра будут иметь гарантированный доступ к необходимым им услугам по обогащению, что позволит обеспечить их потребности в ядерном топливе без развития у себя собственного соответствующего производства.

Несмотря на то, что российская сторона серьезно вложила в Женеве в продвижение концепции МЦОУ, в том числе и через специальный брифинг, мне то и дело приходилось слышать в кулуарах высказывания о том, что пока концепция развития МЦОУ – мутная. Так что российской стороне предстоит еще много поработать, чтобы сделать МЦОУ и более прозрачным, и более привлекательным для других участников ДНЯО. В прошлом номере нашего журнала мой коллега А.В. Хлопков, перечисляя потенциальный интерес к МЦОУ других государств (помимо уже присоединившихся России, Казахстана и Армении), задавался вопросом: а разве не привлекательна эта инициатива для Ирана? Я и сам хотел бы услышать ответ на этот вопрос от иранских коллег... На Препко-

ме они как-то отмалчивались, в кулуарах высказывались все больше скептически, – может быть, ответят статьей в одном из ближайших номеров *Индекса Безопасности*?

«Россия предложила сформировать при МЦОУ резервный запас низкообогащенного урана под управлением МАГАТЭ, – сообщил А.И. Антонов. – Имеется в виду, что материалы из этого запаса будут поставляться в третьи страны по решению Агентства в случае прекращения поставок той или иной стране по политическим мотивам. Воспользоваться таким гарантированным запасом может любое государство, соблюдающее нераспространенческие обязательства»²⁶.

Итоговый председательский документ обратил внимание на то, что многие делегации высказывались в пользу многосторонних подходов к ЯТЦ или, как минимум, приветствовали развитие дискуссий по этому вопросу²⁷. В то же время до сих пор приходится наблюдать весьма вялое реагирование на конкретные инициативы – будь то МЦОУ или топливный банк – со стороны тех государств, которых это касается напрямую уже сейчас или коснется в ближайшем будущем. Они скорее отмахиваются от этих инициатив, чем прислушиваются к ним. Примечательно и то, что государства Персидского залива, которые на различных форумах публично артикулируют свой интерес к развитию атомной энергетики, в ходе Препкома были практически незаметны.

УХОДЯ – НЕ УХОДИ, ИЛИ: СНОВА ДЕСЯТАЯ СТАТЬЯ

Да, статья 10 Договора снова, как и в 1995 г., оказалась в центре пристального внимания. И, вне всякого сомнения, станет предметом серьезного обсуждения в ходе Конференции 2010 г.

Правда, в 1995 г. внимание было приковано к пункту 2 этой статьи – о продлении Договора. Теперь этот пункт уже является бессмысленным атавизмом и, по логике, должен быть из Договора стерт, так как Договор был продлен бессрочно.

Но остался пункт 1 этой же статьи, говорящий о суверенном праве каждого государства-участника этот Договор покинуть. Пока что этим правом за всю историю ДНЯО воспользовалось только одно-единственное государство: КНДР (да и то, замечу в скобках, сейчас бродит где-то вокруг да около тихого возвращения в ДНЯО, так что даже в материалах женеvского Препкома три страны – изначальные неучастники ДНЯО указаны отдельно, а КНДР – отдельно).

Будут ли другие прецеденты? Как ни отвечай на этот гипотетический вопрос, правда заключается в том, что у составителей ДНЯО здесь, действительно, вышла недоработка. Государство имеет возможность покинуть Договор, уже имея тянущуюся за собой историю его нарушений. Вряд ли такая ситуация была бы справедлива; тем более она не будет способствовать международной безопасности.

Варианта переписывать Договор никто на Препкоме не предлагал. Какие же есть варианты?

Первый: да, выход из Договора остается суверенным правом, однако не может быть законно осуществлен в случае, если выходящее государство является нарушителем ДНЯО, что должно быть сначала расследовано МАГАТЭ и международным сообществом (ЕС, США, Австралия, Канада).

Второй: этот вопрос должен быть вынесен на внеочередную встречу государств – участников ДНЯО (Индонезия).

Третий: такое государство должно отдать свои чувствительные технологии и материалы, прежде чем выйти из ДНЯО (Япония).

Понятно, что эти варианты могут быть взаимодополняемы и не исключают один другого. Также понятно, что пока этот вопрос находится в стадии самой первоначальной, *сырой*, проработки. Любопытно, что, имея в виду возможный сюжет с созывом внеочередной конференции государств – участников ДНЯО, некоторые страны предлагают еще более усилить бюрократическую составляющую и сформировать постоянно действующий *секретариат*, или *офис* – может быть, в Вене, может быть, в какой-то композиции с МАГАТЭ²⁸. Наверное, еще у нескольких видных дипломатов подходит срок возвра-

щаться из Вены в свои столицы или даже на пенсию, и такой «секретариат» в хорошем городе Вене мог бы сослужить им хорошую службу.

В 1995 г. было пролоббировано, с подачи южноафриканской делегации и при поддержке многих других, решение об укреплении механизма по рассмотрению ДНЯО. Женевская 9-дневная сессия Препкома и предстоящий в следующем году 10-дневный Препком в Нью-Йорке, наверное, способствуют укреплению механизма рассмотрения ДНЯО, но в не меньшей степени они способствуют и возможностям дипломатов грамотно распорядиться весенними днями.

Каков же реальный КПД таких *продленных* Препкомов, это более или менее прояснится лишь весной 2010 г.

Женевский Препком, прошедший в 40-ю годовщину открытия ДНЯО к подписанию, не принес разочарований; не принес он и сенсаций. Впрочем, сенсаций от него никто не ждал. Тут уж точно: *no news is good news*.

Тот вопрос, который ни один из делегатов не произнес с трибуны, едва ли не каждый делегат упоенно обсуждал за эспрессо в кафетерии Дворца наций: кто победит – Барак Обама или Джон Маккейн? Было бы слишком рискованно раскрашивать картинки ДНЯО в черно-белые цвета, и все же подавляющее большинство участников Препкома, сугубо неформально, сходились в мысли, что для *дела ДНЯО* Маккейн – это черное, в то время как Обама – это белое. Обама – это открытость к многосторонней дипломатии; это оживление Конференции по разоружению; это продвижение, пусть и осторожное, инициативы *гуверовской четверки*; это сигнал для Сената к ратификации ДВЗЯИ и, значит, вступление договора в силу в обозримой перспективе; это, наконец, развязывание иранского узла, а не его затягивание и не его *разрубливание*... Но когда делегаты за эспрессо делали, полушутя-полусерьезно, ставки, это совсем не обязательно были ставки на Обаму.

Другое дело, что все они были уверены: следующей весной в Нью-Йорке будет уже ясно, кто выиграл, а кто проиграл. А пока можно взять тайм-аут. И воспринять женевский Препком как полезную разминку перед реальными играми.

«Ну что ж, в этот раз не пыльно было», – услышал я напоследок комментарий из разбредавшейся по коридорам Дворца наций делегатской толпы. Судя по чистому русскому языку, нетрудно было предположить, что комментарий этот принадлежал кому-то из делегатов от стран бывшего СССР. Действительно, не пыльно... Не то что в столице временно приютившего меня Королевства Тонга городе Нукуалофа: вот где пылица так пылица! Впрочем, весьма вероятно, что в Нью-Йорке год спустя – и особенно два года спустя, – как это у нас теперь принято говорить, придется-таки пыль проглотать.

Примечания

¹ Вторая сессия Подготовительного комитета Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО проходила в Женеве с 28 апреля по 9 мая 2008 г. Работа сессии заняла девять дней.

² Выступление руководителя делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия А.И. Антонова. Женева, 28 апреля 2008 г. С. 5.

³ Там же. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Документ, который председатель подготовил по итогам сессии Препкома и который по существу носит характер обобщения прений (*factual summary* – хотя и не носит такого названия), но не является официальным документом по итогам Препкома, поскольку против такого обобщения возражал ряд делегаций. Публично с критикой этого документа выступили, в частности, Иран и Соединенные Штаты. Свои замечания высказал и ряд других делегаций, хотя многие поздравили посла В.Ю. Ельченко с решением крайне трудной задачи: обобщением столь различных позиций государств, включая и оценки, которые могут быть ошибочны, однако были озвучены и поэтому не могли не быть включены в этот документ.

⁶ Working Paper by the Chair. May 9, 2008. Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Second Session. Geneva, 28 April – 9 May 2008. P. 2, para. 13.

⁷ Ibid. P. 4, para. 19.

⁸ Ibid. P. 4, para. 24.

⁹ Ibid.

¹⁰ Shultz George, Perry William, Kissinger Henry and Nunn Sam. A World Free of Nuclear Weapons. Wall Street Journal. 2007, January 4; Shultz George, Perry William, Kissinger Henry and Nunn Sam. Toward a Nuclear-Free World. Wall Street Journal. 2008, January 15.

¹¹ Working Paper by the Chair. May 9, 2008. Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Second Session, p.5., para.28. Представитель ПИР-Центра по приглашению норвежской стороны принимал участие в работе конференции в Осло. ПИР-Центр и далее, в рамках своих проектов, планирует пристально отслеживать реакцию на инициативы четверки.

¹² Выступление руководителя делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия А.И. Антонова. С. 6.

V Working Paper by the Chair. 2008, May 9. Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Second Session. P. 4, para. 23.

¹⁴ В следующем номере журнала Индекс Безопасности готовится к публикации статья Р.М. Тимербаева, специально посвященная этому вопросу.

¹⁵ Украина развивает этот вопрос в: Preparing for a Successful Review Conference 2010. Working Paper submitted by Ukraine. NPT/CONF.2010?PC.II/WP.36. 8 May 2008. P. 7–8. Этот девятистраничный документ примечателен, среди прочего, тем, что местами дословно воспроизводит (но без отсылки) положения документов ряда неправительственных форумов по нераспространению последнего времени, в частности, так называемого Люксембургского форума.

¹⁶ Трехстороннее заявление президентов России, США и Украины. Москва, 14 января 1994 г. Российско-украинские отношения. 1990–1997 гг. Сборник документов. М.: МИД РФ, 1998. С. 203–205.

¹⁷ Statement on behalf of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the 2008 Non-Proliferation Treaty Preparatory Committee delivered by Ambassador John Duncan, UK Ambassador for Multilateral Arms Control and Disarmament. Geneva, 9 May 2008. P. 2.

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ “The proliferation risks presented by the Iranian nuclear programme continue to be a matter of ongoing serious concern for us”. Ibid. P. 2.

²⁰ Working Paper by the Chair. 2008, May 9. Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Second Session. P. 6, para. 32.

²¹ Ibid. P. 10, para. 49.

²² Выступление руководителя делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия А.И. Антонова. С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Хлопков Антон. Ангарский проект: обогащение vs. распространение. *Индекс Безопасности*. 2008, №2.

²⁶ Выступление руководителя делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия А.И. Антонова. С. 3.

²⁷ See: Working Paper by the Chair. 2008, May 9. Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Second Session. P. 11, para. 57.

²⁸ См., напр.: Preparing for a Successful Review Conference 2010. Working Paper submitted by Ukraine. NPT/CONF.2010?PC.II/WP.36. 8 May 2008. P. 9. Раздел именуется характерно: “Institutional Reform”.